

УДК 130.2

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.166-173

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И НАЦИОНАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ

Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу соотношения исторического дискурса и национальных нарративов, неразрывная связь между которыми имеет, тем не менее, противоречивый характер. Национальные нарративы часто служили источником обострения межнациональных и даже внутринациональных конфликтов, конструируя мифологические или искаженные интерпретации прошлого. Отсюда актуальность исследования основополагающих структур и механизмов формирования этих нарративов. Еще одна важная задача – показать взаимосвязь между историческими исследованиями и национальным повествованием и их противоречивость. Результаты проведенного нами анализа показывают, что, с одной стороны, национальные нарративы являются закономерной реакцией на процессы вестернизации, «макдональдизации» и т. п., с другой – могут использоваться национальными элитами либо иными заинтересованными социальными группами в своих собственных целях, в связи с чем несомненный интерес представляет исследование механизмов их конструирования. Нарративы, в том числе и национальные, выступают своеобразным медиатором, связующим звеном между прошлым и будущим, а также генетической составляющей любого национального сознания, осуществляя ретроспективное отражение прошлого.

Ключевые слова: дискурс, «нарративистский поворот», историография, национальное, нарратив, национальный нарратив, исторический нарратив, механизм, репрезентация

Начиная с «нарративистского поворота», произошедшего в социально-исторических и гуманитарных науках в конце XX в., сам феномен нарратива становится предметом активного обсуждения и острых дискуссий. Хотя термин получил широкое распространение, вопрос о его толковании до сих пор является дискуссионным. Так, Й. Брокмейер и Р. Харре, например, в ряду причин, затрудняющих четкое ограничение смысла понятия «нарратив», что позволило бы отличить его от других исследовательских дискурсов, выделяют разнообразие форм и стилей нарратива, присутствие его элементов или структуры в различных типах дискурса, таких как научный, правовой, исторический, религиозный и политический тексты [1, с. 32].

Закономерно, что в ходе этих обсуждений сформировались различные исследовательские парадигмы, в рамках которых нарратив наделяется самыми разными познавательными, эмоциональными, аксиологическими и практическими атрибутами. Так, нарратив репрезентируется как когнитивная схема, принцип организации реальности, отражение и создание субъектности и идентичности,

как способ взаимодействия и даже – как разновидность разумных способностей человека (см. [2]).

По мнению Ф. Анкерсмита, исторический нарратив обладает большими эвристическими возможностями. Рассматривая исторические нарративы как «интерпретации прошлого», автор утверждает, что «*исторический нарратив*» и «*интерпретация*» позволяют подобрать более адекватные ключи для понимания историографии, чем термины «*описание*» и «*объяснение*», при этом интерпретацию ученый трактует как «нахождение единства в разнообразии». «Нарративные интерпретации, – по его мнению, – являются не знанием, но организацией знания», а нарративизм есть «конструирование не того, чем прошлое могло бы быть, а нарративных интерпретаций прошлого» [3, с. 122–123]. Таким образом, в рамках нарративной философии истории, видным представителем которой и выступает Ф. Анкерсмит, проблема адекватного отражения прошлого, постижения объективной истины не является основной целью исследования. Ученые предлагают различные образы истории, различные ее интерпретации, которые могут не только не совпадать, но и противоречить друг другу.

Надо отметить, что проблема истинности нарратива, и исторического нарратива в частности, является одной из дискуссионных в социогуманитарном познании. Многие исследователи сходятся во мнении, что истинность нарратива не тождественна истинности составляющих его частных суждений. Так, например, Ф. Анкерсмит считает, что «нарративные интерпретации *обращаются* к прошлому, а не *корреспондируют* и не *соотносятся* с ним (как это делают [части] утверждения» [3, с. 121]. Этого взгляда придерживается и Дж. Верч. Он отмечает, что «истинность нарратива не может быть сведена к истинности составляющих его высказываний», и «даже если мы соглашаемся, что все его составные части являются истинными высказываниями, это не означает, что мы можем быть уверены, что повествование в целом можно считать истинным» [4]. Распространенной является трактовка нарратива как «символической призмы, естественным образом искажающей картину человеческих действий» (так утверждает Д. Аникин), по мнению же Е. Рождественской, вопрос об истинности нарратива контрпродуктивен, и более важной познавательной проблемой она считает вопрос, почему в данном социально-экономическом и культурном контексте актер использует именно данный нарратив, и какие нарративы вообще имеются в его распоряжении [5].

Важнейшей особенностью нарратива является его неразрывная взаимосвязь с социально-историческими условиями: он не только зависит от определенного социокультурного контекста, но и сам выступает как важный элемент постоянно изменяющихся культурно-исторических реалий.

В последнее время все больше внимания социальными теоретиками уделяется взаимосвязи исторического дискурса и национальных нарративов. Последние становятся ключевым элементом философско-исторического познания в связи с обострением межнациональных противоречий во многих регионах мира, обострением, которое наиболее отчетливо проявляется как результат глобализационных процессов.

В национальном нарративе свойства, присущие нарративу, проявляются особенно ярко. Прежде всего необходимо отметить неразрывную связь национального нарратива и мифа, мифологического сознания, в то же время вопрос об их соотношении также является дискуссионным. Некоторые авторы рассматривают миф как частный случай нарратива [6, с. 26], отмечают нарративную природу мифа [7, с. 21, 24], в то время как другие считают, что нарратив является частью мифа [8, с. 100], но и те и другие отмечают, что нарратив, как и миф, всегда обладает ярко выраженной эмоциональной окраской, важную роль в нем играют подсознательное, иррациональное. И миф, и нарратив являются важными инструментами познания прошлой и современной жизни людей.

Особенностью мифологии XX в., о которой говорил еще Э. Кассирер, является ее тесная связь с политикой, идеологией. Философ писал, что в XX в. «миф производится в том же смысле и с использованием тех же методов, что и для производства любого другого современного оружия, будь то автоматы или аэропланы» [9, с. 118]. Г.Б. Гутнер, подчеркивая массовый характер нарратива, одной из двух его особенностей называет способ его распространения через средства массовой информации и систему образования, которая становится массовой в индустриальную эпоху. Более того, философ говорит о несомненной связи национального нарратива с националистической идеологией: «В конечном счете, национальный нарратив задает определенную картину мира... центрируя этот мир вокруг одной нации» [8, с. 101].

Вызывает интерес сам процесс конструирования национальных нарративов: с одной стороны, они рассматриваются как закономерная реакция на процессы вестернизации, «макдональдизации» и т. п.; с другой – национальные нарративы могут быть использованы национальными элитами или заинтересованными социальными группами в своих собственных, зачастую антинациональных, целях. В этой связи несомненный интерес представляет исследование механизмов, которые используются при их конструировании.

В качестве одного из важнейших механизмов воздействия и восприятия нарративов многими исследователями признается идентификация. Очевидно, что данные феномены не могут отрываться от социокультурного контекста, который задает своеобразную матрицу для их конструирования и функционирования. В этом смысле показательна концепция биографии Ю.М. Лотмана. Любое жизнеописание – это текст, который является нарративом. Именно биография трактуется известным философом в качестве механизма, превращающего действительную реальность, событие в текст, при этом последний понимается автором как исторически конкретное субъект-объектное отношение и не может рассматриваться за рамками конкретного культурного контекста. Он пишет: «С точки зрения семиотики... пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы. При этом актуализация их совершается в пределах некоторого смыслового инварианта, позволяющего говорить, что текст в контексте новой эпохи сохраняет, при всей вариантности толкований, идентичность самому себе» [10, с. 200].

В западной социальной теории идентификация, осуществляемая индивидом в процессе «раскодирования» содержания семиотического пространства нарратива, нередко воспринимается в качестве механизма манипуляции, техники оказания воздействия на его сознание. Способ организации повествования определяет ту составляющую нарратива, которую реципиент «примеряет» на свою личную биографию, жизненный путь, идентифицируя себя с теми или иными социальными группами, осуществляя тем самым определенный выбор и «отбор» вариантов исторического пути, пройденного той общностью, к которой он принадлежит. В этом смысле идентичность, как подчеркивается в нарратологии, не просто выражается, но, главным образом, конструируется в нарративе.

Г. Спектор-Марсель выделяет следующие механизмы выбора, используемые в построении нарратива, при помощи которых происходит воздействие на «отфильтровывание» фактов и событий, оказывающих влияние на процесс самоидентификации: 1) принцип приобщения к той или иной социальной группе в силу сопоставимости с теми или иными жизненными обстоятельствами субъекта; 2) заострение внимания на конкретных фактах, детализирование или преувеличение роли каких-либо фактов; 3) недомолвки и замалчивание в силу того, что они не соответствуют или противоречат цели нарратива; 4) сглаживание с целью минимизации или уменьшения значения событий или определенных периодов в истории; 5) придание «подходящего» значения – механизм, который формируется из способности нарратива наделять таким значением какие-то события, которые в момент их разворачивания имели совершенно другое значение [2, p. 174].

Представляется, что влияние нарратива как на конструирование идентичности, так и на формирование исторического дискурса, отражающего развитие той или иной нации, не сводится лишь к перечисленным механизмам, однако они позволяют пролить свет на сложнейший процесс формирования национальных нарративов, более отчетливо представить их внутреннюю структуру.

На наш взгляд, нельзя полностью согласиться с осмыслением роли нарратива в историческом познании, которое характерно для многих видных западных исследователей. Так, представители французской школы «Анналов» рассматривали нарративную историографию исключительно как идеологическую репрезентативную стратегию. Представители семиологически ориентированных философов (Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида и др.) рассматривают нарратив лишь как один из многих дискурсивных «кодов», которые в качестве способа репрезентации реальности могут быть адекватными либо нет в зависимости только от прагматических целей создателя и носителя дискурса (см. об этом [11]).

Нарративы, в том числе и национальные, предстают своеобразным медиатором, связующим звеном между прошлым и будущим. Они выступают в качестве генетической составляющей любого национального сознания, реконструируя национальную память, осуществляя ретроспективное отражение прошлого.

Важнейшей составляющей национального нарратива является историческая память. Интересна, на наш взгляд, разработанная Дж. Верчем концепция нарративных шаблонов национальной памяти, создающих «привычные приемы речи и мышления, которые часто ускользают от контроля нашего сознания» [4]. Ученый подчеркивает роль бессознательных шаблонов мышления в нарративе,

что в значительной степени обуславливает принципиально разнящиеся интерпретации прошлого в различных национальных нарративах. Это часто порождает сложности в межкультурных коммуникациях, а иногда приводит к конфликтным ситуациям в политической сфере.

Концепция нарративных шаблонов обладает значительными эвристическими возможностями и при осмыслении проблемы истинности национального нарратива, поскольку бессознательное, иррациональное не тождественны критическому осмыслению реальности.

В то же время нарратив можно рассматривать в качестве своеобразного фундамента, на котором конструируется субъект со своей историей [12, р. 27]. Нельзя не согласиться с ведущим исследователем нарратива Х. Уайтом, что наррация настолько же универсальна, насколько универсален сам язык, одновременно она является аспектом повседневного дискурса. Рассматривая функциональную модель дискурса, он выделяет в ней следующие функции: коммуникативную, экспрессивную и конативную [13, р. 2, 17]. Очевидно, что все эти функции присущи и нарративному дискурсу, при этом они не проявляются «по отдельности», а существуют во взаимопереплетении. Отсюда – особая ответственность нарратива, который может выступать побудительным стимулом для возникновения и развития различных, в том числе национальных, движений. Репрезентация прошлого – важнейший элемент национального самосознания. И именно эта репрезентация является наиболее остро дискутируемой проблемой современного исторического знания. Неслучайно историческая наука сегодня характеризуется, прежде всего, как знание нарративно-дискурсивное.

Национальные нарративы – это особый объект исторического знания. Одна из особенностей нарратива состоит в том, что он репрезентирует исторические факты не непосредственно, но зачастую символически. В национальных нарративах со всей отчетливостью проявляется их образная природа, система многоуровневого кодирования, заключенного в тексте. Поэтому взаимосвязь исторического дискурса и национального нарратива всегда выражается через область языка, в рамках которого и при помощи которого производятся значения. Ключом к пониманию интерпретации репрезентированного прошлого всегда является культура, в случае национальных нарративов – национальная культура, порождающая свои способы кодирования и раскодирования значений. Именно в этом смысле Ф Анкерсмит отмечал, что исторический текст сопоставим не с наукой, а с реализмом в искусстве и литературе [14, с. 311].

Представляется, что современный исторический дискурс будет развиваться, опираясь как на герменевтические, так и на нарративистские тенденции в репрезентации прошлого, поскольку в результате лингвистического поворота научное объяснение сегодня предполагает интерпретацию прошлого в качестве текста. При этом последний является не просто отражением, но и конструированием прошлого. Отсюда – неразрывная взаимосвязь исторического дискурса и национальных нарративов.

Литература

1. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // *Вопр. философии*. – 2000. – № 3. – С. 29–42.
2. Spector-Mersel G. Mechanisms of selection in claiming narrative identities: A model for interpreting narratives // *Qual. Inquiry*. – 2011. – V. 17, No 2. – P. 172–185. – doi: 10.1177/1077800410393885.
3. Анкерсмит Ф. Шесть тезисов нарративной философии истории // Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 115–130.
4. Верч Дж. Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины // *Гефтер*. – 2018. – 25 апр. – URL: <http://gefter.ru/archive/24775>, свободный.
5. Можно ли выйти за пределы нарративного шаблона? Русский взгляд на концепцию американского профессора: Обсуждение статьи: Верч Дж. «Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины» в проекте «Историческая экспертиза» // *Гефтер*. – 2018. – 25 апр. – URL: <http://gefter.ru/archive/24775>, свободный
6. Турушева Ю.Б. Нарратив как культурный медиатор развития личности: взгляд сквозь призму культурно-исторической психологии // *Культурно-историческая психология*. – 2016. – Т. 12, № 2. – С. 24–32.
7. Ачкасов В.А. Национальная идентичность как исторический нарратив // *Управленческое консультирование*. – 2018. – № 10. – С. 18–26.
8. Гутнер Г.Б. Национальный нарратив и национальная ответственность // *Этическая мысль* – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 94–109.
9. Кассирер Э. Технологии современных политических мифов (Из книги «Миф о государстве»): Пер. И.И. Мюрберг // *Политико-философский ежегодник*. – М., 2011. – Вып. 4. – С. 112–133.
10. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 200–202.
11. Gizatova G., Snarskaya E. Narrative and the problems of national cognition // *J. Organ. Cult. Commun. Conflict*. – 2016. – V. 20, Spec. Issue 3, – P. 26–30.
12. Jameson F. *The Political Unconscious. Narrative as a Socially Symbolic Act*. – Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 1981. – 305 p.
13. White H. The question of narrative in contemporary historical theory // *History and Theory*. – 1984. – V. 23, No 1. – P. 1–33.
14. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.

Поступила в редакцию
25.06.19

Гизатова Гульназ Казбековна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д.18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: gulnaz_gizatova@mail.ru

Иванова Ольга Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д.18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: olga.ivanova.ksu@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 166–173

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.166-173

Historical Discourse and National Narratives

G.K. Gizatova^{*}, O.G. Ivanova^{**}

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: ^{*}gulnaz_gizatova@mail.ru, ^{**}olga.ivanova.ksu@mail.ru

Received June 25, 2019

Abstract

A correlation between historical discourse and ethnic narratives was analyzed. The most important feature of a narrative is its inextricable relationship with socio-historical conditions: it is not only determined by a specific sociocultural context, but also acts as an important element of the constantly changing cultural and historical reality. Hence, the study of a relationship between the historical knowledge and national narrative as the most important component of national consciousness is of high practical relevance. The obtained results show that narratives, including national ones, serve as a mediator, a link between the past and the future. They are the genetic component of any national consciousness, reconstructing the national memory, carrying out a retrospective reflection of the past. National narratives are a special object of historical knowledge. One of the features of a narrative is that it does not represent historical facts directly, but often symbolically. In national narratives, their figurative nature, a system of multilevel coding, enclosed in the text, is manifested in all distinctness. Therefore, the relationship of historical discourse and national narrative is always manifested through the language, within which and with the help of which meanings are produced. The key to understanding the interpretation of the past is always in the culture. With regard to national narratives, it is the national culture that spawns its own ways of encoding and decoding meanings.

Keywords: discourse, narrative turn, historiography, national, narrative, national narrative, historical narrative, mechanism, representation

References

1. Brockmeier J., Harre R. Narrative: Problems and prospects of an alternative paradigm. *Voprosy Filosofii*, 2000, no. 3, pp. 29–42. (In Russian)
2. Spector-Mersel G. Mechanisms of selection in claiming narrative identities: A model for interpreting narratives. *Qualitative Inquiry*, 2011, vol. 17, no. 2, pp. 172–185. doi: 10.1177/1077800410393885.
3. Ankersmit F. Six theses of narrative philosophy of history. In: Ankersmit F. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2003, pp. 115–130. (In Russian)
4. Wertsch J. Narrative instruments, truth, and quick thinking in national memory: The mnemonic confrontation over Ukraine between Russia and the West. *Gefter*, 2018, Apr. 25. Available at: <http://gefter.ru/archive/24775>. (In Russian)

5. Is it possible to push the limits of the narrative template? The Russian view of the concept introduced by the American professor: Discussion of the article: Wertsch J. "Narrative instruments, truth, and quick thinking in national memory: The mnemonic confrontation over Ukraine between Russia and the West" in the project "Historical Expertise". *Gefter*, 2018, Apr. 25. Available at: <http://gefter.ru/archive/24775>. (In Russian)
6. Turusheva Yu.B. Narrative as a cultural mediator in personality development: Looking through the lens of cultural-historical psychology. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya*, 2016, vol. 12, no. 2, pp. 24–32. (In Russian)
7. Achkasov V.A. National identity as a historical narrative. *Upravlencheskoe Konsul'tirovanie*, 2018, no. 10, pp. 18–26. (In Russian)
8. Gutner G.B. National narrative and national responsibility. *Eticheskaya Mysl'*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 94–109. (In Russian)
9. Cassirer E. Modern political myth technologies (from the book "The Myth of the State"). *Politiko-Filosofskii Ezhegodnik*, 2011, vol. 4, pp. 112–133. (In Russian)
10. Lotman Yu.M. Memory in cultural view. In: Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i* [Selected Papers]. Vol. 1. Tallinn, Aleksandra, 1992, pp. 200–202. (In Russian)
11. Gizatova G., Snarskaya E. Narrative and the problems of national cognition. *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*, 2016, vol. 20, spec. issue 3, pp. 26–30.
12. Jameson F. *The Political Unconscious. Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press, 1981. 305 p.
13. White H. The question of narrative in contemporary historical theory. *History and Theory*, 1984, vol. 23, no. 1, pp. 1–33.
14. Ankersmit F. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of a Metaphor]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2003. 496 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** *Гизатова Г.К., Иванова О.Г.* Исторический дискурс и национальные нарративы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 5–6. – С. 166–173. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.166-173. ⟩

⟨ **For citation:** *Gizatova G.K., Ivanova O.G.* Historical discourse and national narratives. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 166–173. doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.166-173. (In Russian) ⟩